

Когда та сталь взметнулась вверх и опустилась на господина главу клана, о чем он думал в тот миг?

Если взглянуть в воспоминания, кажется, что время тогда застыло. Остался лишь бешеный стук сердца, отдававшийся в ушах, словно оно пыталось вырваться из груди. В голове была пустота, но тело, повинаясь инстинктам, бросилось вперед, не слушаясь разума. В ту секунду сердце переполняло гнев от того, что господин глава клана пострадал, и глубокое чувство вины за то, что он не смог его защитить.

Если бы он успел хоть на мгновение раньше, господин глава клана сейчас, возможно, попивал бы новый молочный чай, лукаво улыбаясь и дразня его. Таким господин глава клана был особенно мил — он вечно находил способы подшутить, вызывая у Тома одновременно досаду и смех. А не лежал бы здесь, обессиленный и молчаливый. Ведь больше всего на свете господин глава клана любил именно его поддразнивать.

Если бы он опоздал хоть немного больше, что бы случилось с господином главой клана? Тома не решался продолжать эту мысль. Один лишь образ такого исхода приносил невыносимую боль, словно зыбучие пески, которые невозможно удержать, заполняли грудь, принося бесконечную горечь и саднившую тоску.

Человек на кровати был тщательно перевязан. Его лицо казалось бледным, на коже виднелись мелкие царапины, а брови слегка хмурились, словно даже во сне он чувствовал боль. Его руки безвольно лежали на простыне, но даже в таком положении они сохраняли свою утонченность и изящество.

Тома решительно взял господина главу клана за руку, переплетая свои пальцы с его:

— Господин глава клана, пора просыпаться. Вы же говорили, что хотите пойти на вечерний костер. Я уже распорядился насчет фиалковых дынь, Путешественник тоже вернулся, все нас ждут.

Человек на кровати лежал с закрытыми глазами, словно притворяясь спящим. Свет, пробивавшийся сквозь щели в шторах, ложился на него мягким, теплым сиянием.

— Хотя я немного сержусь, что вы так опрометчиво рисковали собой и не берегли свое здоровье, я уважаю любой ваш выбор.

— К тому же, после ваших хитрых слов я уже не злюсь. Молочный чай готов, пожалуйста, очнитесь.

Рука в руке Тома вдруг сжала его ладонь в ответ, и раздался ленивый голос:

— Это ты сам сказал, Тома.

— Добрый вечер, Тома.

В тот миг, когда их взгляды встретились, Тома увидел в глазах господина глубину ночного неба и бесконечного океана. Они сияли ясным, чистым светом, заставляя сердце Тома биться чаще. Уголки губ господина едва заметно дрогнули:

— Добрый вечер, господин глава клана.

— Прости, что заставил тебя волноваться.

— Господин глава клана, вы знали, что я переживаю, и все равно притворялись спящим? Прощу, больше не рискуйте так, я едва дышать могу от страха.

— Хорошо, обещаю.

Убедившись, что господин глава клана пришел в себя и дал обещание, Тома успокоился. Он собрался помочь Камисато Аято подготовиться к празднику, но сцепленные руки не давали ему пошевелиться.

— Господин глава клана, пора вставать, отпустите меня.

Камисато Аято одарил его невинной улыбкой и вдруг резко потянул за руку. Тома, не ожидавший такого, подался вперед. Чтобы не навалиться на господина всем весом, он успел опереться локтями о постель, и со стороны это выглядело так, будто Тома сам склонился для поцелуя.

— Господин глава клана!

— Никогда не отпущу.

Аято чуть приподнял голову, и Тома снова почувствовал эту сладость. Их дыхание смешалось, словно рассказывая странную историю, от которой у Тома перехватило дух. Он не мог остановиться, жадно припадая к губам господина, и постепенно инициатива перешла к нему.

Камисато Аято с трудом выдерживал этот натиск, его дыхание сбилось, а тело обмякло. Попытки оттолкнуть Тому не увенчались успехом, и он попробовал потянуть его за волосы, чтобы тот остановился, но боль лишь раззадорила жадного до ласки Тома, заставив его целовать еще яростнее.

Когда Аято почувствовал, что начинает задыхаться, Тома наконец отстранился. Тяжело дыша, он смотрел на господина взглядом, полным желания, отчего тот лишь насмешливо улыбнулся:

— Хочешь... съесть меня прямо сейчас? М?

Бледное лицо Аято теперь пылало румянцем, одежда сбилась, обнажая нежные плечи. Белоснежная кожа окрасилась в розовый цвет, словно бутон, готовый вот-вот раскрыться, и к нему хотелось прижаться снова и снова. Эти синие глаза, подобные персиковым цветам, источали такое очарование, что устоять было невозможно.

Тома все еще нависал над ним, с трудом сглотнул, отвел взгляд и хрипло произнес:

— Господин глава клана, вы опять играете со мной... В чем я снова провинился?

— Я думал, ты зайдешь ко мне перед тем, как уйти, но я ждал долго, и все было напрасно.

— Простите, это моя вина.

Тома, не ожидавший такой причины, с досадой вздохнул. Он сел, помогая господину одеться и стараясь не задеть раны, и искренне признал свою ошибку:

— Мне не следовало уходить, не предупредив вас, и заставлять ждать. Не стоило придавать такое значение мнению других, забывая о ваших чувствах, и уж точно не следовало опаздывать, когда вы пострадали.

— И еще... господин глава клана, можно впредь не делать так внезапно? Я боюсь, что не успею среагировать и раздавлю вас. Лучше скажите мне заранее... позвольте мне сделать это.

Камисато Аято подался ближе, его глаза лукаво блеснули:

— Я верю, что Тома не даст мне пораниться. Раз ты сам предложил, я, конечно, должен пойти навстречу. Давай так: сначала сделаешь, как я прошу, и тогда я не только прощу тебя, но и соглашусь на твоё предложение.

— ...И что это за предложение? — Тома почувствовал, что снова попал в ловушку, и развел руками. — Хорошо, слушаю вас.

Приведенный в порядок господин глава клана выглядел безупречно, как настоящий благородный муж, но при этом он поддел подбородок своего слуги пальцем и улыбнулся:

— Если говорить о животных, то я больше люблю послушных собак. Тома, ты можешь стать моей собакой?

Тома не ожидал такой просьбы. Хотя он уже открыл господину свое сердце, его ход мыслей по-прежнему оставался загадкой.

Упоминание собаки напомнило ему, как господин иногда ластится и поскуливает, словно котенок или щенок — это было на самом деле очень мило.

В конце концов, это просто маленькая прихоть господина, и лишь бы тот был доволен. Все равно все его существо принадлежит господину, так что какая разница, как его назовут.

Подумав об этом, Тома ответил действием: он опустился на одно колено и с благоговением поцеловал тыльную сторону ладони Аято, сдерживая себя, чтобы этот поцелуй остался лишь легким касанием без единого следа.

— Слушаюсь, мой господин.

Камисато Аято потянул его за руку, поднимая с колен, и, глядя в серьезные, преданные глаза Тома, рассмеялся и прильнул к его груди:

— Я пошутил. Разве мои желания могут быть такими скучными? Я всегда хотел только тебя. Так что, Тома, пойдем со мной на праздник.

Тома с нежностью ответил:

— С величайшим удовольствием.

Так, небольшая эмоциональная буря была погашена Камисато Аято еще до того, как успела разгореться, да еще и принесла ожидаемые плоды. Аято был в отличном настроении, и они вдвоем, в полном согласии, отправились на остров Амаканэ, чтобы насладиться праздником и жареными фиалковыми дынями.

<http://bllate.org/book/21788/2253650>